

Марина Булахова (Москва)

**Судебная ошибка в романе Л. Н. Толстого
«Воскресение» и проблема постановки
вопросов перед присяжными заседателями
в судебной системе Российской империи**

Marina Bulakhova (Moscow)

**Judicial Error in Leo Tolstoy's Novel
Resurrection and the Problem of Raising Issues
before the Jury in the Judicial System of the
Russian Empire**

Резюме. Статья посвящена историко-правовой природе формальной ошибки в изложении вердикта суда присяжных, в силу которой героиня романа Л. Н. Толстого «Воскресение» Катюша Маслова была признана виновной в совершении убийства. Известный судебный деятель Н. В. Давыдов, консультировавший Толстого в ходе написания романа, находил это обстоятельство несколько натянутым и ненужным, полагая, что «не был бы невероятен» и просто обвинительный приговор, однако Толстой решительно отказался его переделывать. В статье предлагается объяснение возможной мотивации писателя: подобная формальная ошибка была возможна и в действительности, поскольку постановка вопросов перед присяжными заседателями представляла собой процессуальную проблему, которая дебатировалась в юридической литературе и законодательных комиссиях. Правоведы понимали, что вердикт присяжных может очень сильно зависеть от того, сколько вопросов (один или три) будет задано, и будут ли они сформулированы через понятие «вины». Автор статьи полагает, что этот недочет уголовно-процессуального законодательства был известен писателю и использован им осознанно с целью продемонстрировать, что даже самый прогрессивный институт

в судебной системе, построенный на милосердии и справедливости частных людей, суд присяжных, будет функционировать искаженно под влиянием суда коронного (государственного).

Ключевые слова. Роман «Воскресение», литература и право, правосудие в литературе, общественно-политические взгляды Л. Н. Толстого

Abstract. The article focuses on the historical and legal nature of jury's formal error that led to Katusha Maslova's, the character of Leo Tolstoy's novel *Resurrection*, conviction for murder. A famous judicial figure N. V. Davydov, whom Tolstoy consulted during his writing of the novel, found this circumstance to be unnecessary and a bit of stretch. He believed that a usual conviction without any errors “wouldn't be improbable”. But Tolstoy flatly refused to rewrite the episode. In this article we provide an explanation to the writer's potential motivation: such formal error was possible in reality, since raising issues before the jury was a procedural problem, which was discussed in the legal literature and in the legislative commissions. Legal experts understood that the jury's verdict may very well depend upon how many questions (one or three) were raised and if they were formulated via the concept of “guilt”. The author of the article assumes that the writer was familiar with this deficiency of criminal procedural law and used it consciously with a view to demonstrate that even the most progressive institution of judicial system built on mercy and fairness of individuals — Assize Court — will be misrepresented under the influence of the Crown Court.

Keywords. Resurrection, literature and law, judgment in literature, social and political opinion of L. Tolstoy

Роман «Воскресение» Л. Н. Толстого неоднократно привлекал внимание исследователей. Анализировались история, рассказанная известным судебным деятелем и литератором А. Ф. Кони [Толстой 1935: 329—330], и творческая эволюция романа от

«Коневской повести» — такое название получил первоначальный замысел [Толстой 1935: 332] — до окончательной редакции. Роман, обличающий судебную и пенитенциарную систему, сразу получил отклики, возражения и комментарии действующих юристов [см., например: Старый судья 1889; Бывший прокурор, ныне судья 1900]. Однако мы полагаем, что от внимания правоведов и литературоведов ускользнула реальная историко-правовая основа романа, а именно неудачная, спорная редакция одной из статей Устава уголовного судопроизводства 1864 г., которая и позволила изобразить в сюжете судебную ошибку, т. е. осуждение невинного человека. Мы покажем, как Толстой использует против судебной системы ее же слабые места, чтобы продемонстрировать не только ее несоответствие христианскому духу, но и абсурдность, которую не замечали даже справедливые и равнодушные люди, вовлеченные в юридическое «крючкотворство».

Напомним эпизод романа, в котором описывается роковая для Катюши Масловой судебная ошибка. Проститутка Маслова обвинена в умышленном отравлении своего клиента, купца Смелькова, после того как, введенная в заблуждение коридорными, она всыпала ему в напиток яд, думая, что это снотворное. До этого купец подарил Катюше перстень, что дало повод суду обвинить ее и в краже. Кроме того, из чемодана убитого были похищены деньги. На суде Маслова вину отрицала, настаивая, что о яде не знала, перстень приняла в дар, а деньги похитили коридорные, о намерении которых она также не догадывалась. Дело рассматривалось при участии присяжных заседателей, которым предстояло решить вопрос о виновности Масловой. Вопрос присяжным касательно Масловой¹ формулировался следующим образом:

¹ Смысл института суда присяжных в Российской империи заключался в том, что присяжные выносят вердикт о виновности / невинности подсудимого, а назначение дальнейшего наказания или оправдание — в компетенции коронного, т. е. государственного суда соответственно [см., например: Викторский 1912: 375].

1) Виновен ли крестьянин села Борков, Крапивенского уезда Симон Петров Картинкин, тридцати трех лет, в том, что 17-го января 188* года в городе N., замыслив лишить жизни купца Смелькова, с целью ограбления его, по соглашению с другими лицами, дал ему в коньяке яду, отчего и последовала смерть Смелькова, и похитил у него деньгами около двух тысяч пятисот рублей и брильянтовый перстень? <...> 3) Виновна ли в преступлении, описанном в первом вопросе, мещанка Екатерина Михайлова Маслова, двадцати, семи лет? [Толстой 1936: 79—80].

После споров и колебаний присяжные были склонны пожалеть и оправдать Катюшу, однако ответили: «Признаем виновной без умысла ограбления, и имущества не похищала <...> и заслуживает снисхождения» [Толстой 1936: 82]. Никто из присяжных не заметил очевидного логического противоречия в этой формулировке до оглашения вердикта, и получилось, к удивлению судей и председателя, что, по мнению присяжных, Маслова будто бы виновна в убийстве, которое совершила безо всякого мотива. Но суд отказался отменить абсурдное решение присяжных, потому что «и так газеты говорят, что присяжные оправдывают преступников; что же заговорят, когда суд оправдает» [Толстой 1936: 84], и приговорил Маслову к четырем годам каторги с лишением всех прав состояния.

Эта сцена имеет прямое отношение к теме, которая неоднократно дебатировалась в юридической литературе и в законодательных комиссиях того времени, — к проблеме постановки вопросов перед присяжными заседателями.

Деятельность присяжных регулировалась Уставом уголовного производства 1864 г. (далее — УУС). По общему правилу, вопрос к присяжным был один и звучал так: «Виновен ли подсудимый в совершении вменяемого ему деяния?». Однако ст. 754 Устава уголовного судопроизводства гласит: «Вопросы о том, совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и должно ли оно быть вменено ему в вину, соединяются в один совокупный вопрос о виновности подсудимого, *когда никем не возбуждено сомнения* (курсив наш. — М. Б.) ни в том, что событие преступления действительно совершилось, ни в том, что оно долж-

свете. Резюме дается более чем формальное и бестолковое, хоть и многословное, и автор даже называет причину этого: председатель мысленно предвкушает свидание с любовницей.

Что касается аргумента одного из членов суда против отмены решения присяжных — « <...> и так газеты говорят, что присяжные оправдывают преступников; что же заговорят, когда суд оправдает» [Толстой 1936: 84], — это действительно отражает реалии 1880-х гг. «В середине 80-х гг. вопрос о помиловании был очень модным. Публицисты “Московских ведомостей” всячески старались раздуть его, выставляя присяжных узурпаторами, посягающими на прерогативы верховной власти. Это был своего рода лозунг в борьбе с “судом улицы”» [Шатров 1901: 1474]. Толстой подчеркивает извращенную функционерскую логику: для коронного суда страшнее оправдать, чем осудить невиновного человека, так как это дискредитирует институт в глазах публики и «правой» прессы.

Что удивительно, коронный суд, как и суд присяжных, вовсе не хотел осуждать Маслову. Судьи ожидали увидеть ответ «Не виновна». Читатель понимает это по реакции судебного председателя: «Посмотрите, какую они нелепость вынесли. Ведь это каторжные работы, а она не виновата» [Толстой 1936: 83].

Считается, что процессуальные тексты (обвинительный акт, врачебное исследование трупа купца Смелькова и интересующие нас вопросы суда присяжным заседателям, их ответы и приговор суда) написал для Толстого его старый приятель Н. В. Давыдов, губернский прокурор, председатель Тульского, а затем Московского окружного суда [см., например: Толстой 1935: 377]. Толстой обращался к нему с различными просьбами, касающимися крестьян, имевших проблемы с законом. Давыдов не только позволял писателю присутствовать на судебных заседаниях и фиксировать ход процесса, но и в целом снабжал Толстого необходимыми юридическими справками («От Давыдова получил очень хорошее дело для Коневского рассказа», гласит, например, одна из дневниковых записей Толстого [Толстой 1935: 338]). Однако мы обращаем внимание на то, что Толстой все же

не давал этому компетентному консультанту полную свободу в составлении процессуальных текстов. Об этом говорит сам Давыдов в своих воспоминаниях:

Мне пришлось, тоже по просьбе Л. Н., написать имеющийся в романе отрывок кассационной жалобы, вопросы, резолюции и т. п. В общем Л. Н. соглашался с моими замечаниями, за исключением, впрочем, одного, очень существенного пункта, а именно, я советовал Л. Н., во избежание некоторой, как мне казалось, натянутости, не полной правдоподобности вердикта присяжных заседателей по делу Масловой, изложить их решение просто как обвинительное, отметив его кратко: «Да, виновна, но заслуживает снисхождения», мне казалось, что обвинительный приговор не был бы невероятен, так как улики против Масловой были достаточные, а прошлое ее, то прошлое, которое было известно присяжным, а не то действительное прошлое «Катюши», которое знали уже читатели, не говорило в ее пользу. Но, повторяю, Л. Н. не согласился со мной и оставил наличность допущенной присяжными формальной ошибки [Давыдов 1913: 293].

Эпизод с формальной ошибкой появился в романе не по инициативе Давыдова, так как на момент правок он уже был, — Толстой почерпнул его из другого источника.

Мы можем лишь предполагать, откуда писатель мог взять идею о судебной ошибке, но знание Толстым проблемных мест закона не кажется удивительным. Сложности, которые порождает ст. 754, обозначены прямо в комментариях к УУС. Толстой мог узнать о проблеме непосредственно оттуда, из юридической литературы, учебников [см., например: Случевский 1891—1892], или от других юристов — например, от Кони, который высказывался на эту тему в печати [см.: Кони 1881], или от известного адвоката В. А. Маклакова. Так или иначе, именно такое изображение в романе судебной ошибки имеет основу в судебных реалиях того времени и выглядит неслучайным.

В связи с этим объяснение обличительной направленности «Воскресения», основанное исключительно на том, что суд людей над людьми противоречит христианскому идеалу, выглядит недостаточным. Разумеется, мы далеки от утверждения, что писателя интересовали сугубо юридические споры о том, сколько вопросов нужно ставить перед присяжными, один, два или

три, и какие — о событии или только о вине. Вероятно, для него это было не более чем фарисейство, «соблазн государственный, или соблазн общего блага» [Толстой 1956: 145], как он в работе «Христианское учение» (1898) называет греховную иллюзию, в которой пребывают государственные и общественные деятели. Для Толстого судебная система в целом — одно из самых страшных зол государственного устройства наряду с армией. Это единственная ветвь власти, которая творит зло не напрямую, — судит посредством уже принятых законодательной властью законов и казнит с помощью власти исполнительной. Из-за этого именно в судебной системе размыта личная ответственность за каждое решение. Дело Масловой — хорошая тому иллюстрация: невиновный человек был осужден и сгинул бы на каторге, если бы не нашелся влиятельный покровитель, и в этом не виноват никто конкретно. Коронный суд мог бы обвинить в ошибке присяжных, которые вынесли «нелепость», присяжные могли бы обвинить коронный суд с его процессуальными порядками, которые их утомили и запутали. Все вместе могли бы обвинить неудачную редакцию закона, которая предписывает для разбиения вопроса наличие возражений и четко не объясняет, что такое вина. С точки зрения должностной инструкции наибольшая ответственность лежит на председателе, не потрудившемся дать хорошее резюме, но даже он искренне не хотел обвинительного вердикта и предложил отменить решение. Приговор вынесен, все участники процесса расходятся по домам, и никто, кроме Нехлюдова, связанного с осужденной лично, не испытывает мук совести.

Сцена формальной ошибки в суде над Катюшей Масловой не только будит совесть Нехлюдова, но и служит основой для вывода, который он сделает чуть позже при других обстоятельствах:

Если бы была задана психологическая задача: как сделать так, чтобы люди нашего времени, христиане, гуманные, просто добрые люди, совершали самые ужасные злодейства, не чувствуя себя виноватыми, то возможно только одно решение: надо, <...> чтобы люди государственной службой были связаны так, чтобы ответственность за последствия их поступков с людьми не падала ни на кого отдельно [Толстой 1936: 352].

По мысли Толстого, судебная система погрязла в «соблазне общего блага», «юридической лжи», «бесмыслице»⁵, и даже нововведение реформы 1864 г. — суд присяжных, который считается в обществе бесспорно благим и прогрессивным институтом, — не может этого исправить. Напротив, теперь в эту порочную систему включены и непрофессионалы, люди изначально равнодушные и желающие судить по справедливости, но допускающие роковые ошибки в силу некомпетентности. Их слишком легко запутать судебными софизмами — достаточно неправильно поставить вопрос или не объяснить термин, и эти же софизмы избавят их от чувства ответственности за принятое решение. Сам факт дебатов вокруг постановки вопросов перед присяжными заседателями говорит о том, что последние неспособны понять хитроумный, неестественный юридический язык без переводчика-председателя, они нуждаются в дополнительной адаптации, но меры, предпринимаемые законодателем (разбиение / неразбиение вопроса, замена юридических терминов на бытовые⁶), никогда не бывают достаточны.

То, что неприятие Толстым суда как института имеет помимо религиозной составляющей еще и мирскую, житейскую, логическую, подметил Маклаков. Когда за два года до публикации «Воскресения» Кони подарил Толстому еще один сюжет из своей практики — «Живой труп», — писатель в первую очередь «смеялся над бессмыслицей этого суда, который расстроил счастливую жизнь нескольких человек. Смеялся не во имя несоответствия этого суда с христианством, а во имя просто его житейской бессмыслицы. Он рассказывал, как

⁵ «18 июня 1890 года Толстой записывает в дневнике: “Обдумал на работе то, что надо Коневскую начать с сессии суда, а на другой день еще прибавил то, что надо тут же выказать всю бессмыслицу суда”. Через четыре дня, задним числом, в дневнике — вариант той же записи: “На работе, покое, уяснил себе внешнюю форму Коневского рассказа. *Надо начать с заседания. И тут же юридическая ложь и потребность его правдивости*” (курсив Толстого. — М. Б.)» [Толстой 1935: 335].

⁶ Ст. 760 УУС гласит: «В делах, решаемых с участием присяжных заседателей, предлагаемые им вопросы составляются в общеупотребительных выражениях, по существенным признакам преступления и виновности подсудимого, а не в виде принятых в законе определений» [УУС: 262].

всем было хорошо, все вели себя так, как следует, по-человечески, а вмешался суд и всех сделал несчастными» [Маклаков 1949: 174].

Таким образом, Толстой использовал проблему ст. 754 УУС, чтобы показать, что формулировка присяжных заседателей не выражает их истинную волю, а значит, суд людей над людьми не только греховен, но и нелеп. При этом греховность и нелепость замаскированы от всех участников самой системой, создающей мощнейшую иллюзию. Как мы полагаем, именно поэтому Толстой выступал против суда, даже самого прогрессивного, и поэтому он решительно отверг предложение Давыдова представить вердикт присяжных заседателей как просто обвинительный, без формальной ошибки.

СОКРАЩЕНИЯ

Бывший прокурор, ныне судья 1900 — Бывший прокурор, ныне судья. Судебные деятели по «Воскресению» графа Л. Н. Толстого // Вестник права. 1900. № 1. С. 79—93.

Викторский 1912 — *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. М., 1912.

Давыдов 1913 — *Давыдов Н. В.* Из прошлого. М., 1913.

Кони 1881 — *Кони А. Ф.* Спорные вопросы нашего судопроизводства // Вестник Европы. 1881. Т. 1. Кн. 1. С. 199—235.

Маклаков 1949 — *Маклаков В. А.* Речи судебные, думские и публичные лекции, 1904—1926. Париж, 1949.

Случевский 1891—1892 — *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1891—1892.

Спасович 1897 — *Спасович В. Д.* О постановке вопросов присяжным заседателям и о порядке произнесения ими приговоров // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 1. С. 1—46.

Старый судья 1899 — Старый судья. Открытое письмо графу Л. Н. Толстому // Киевлянин. 1899. № 222. С. 3.

Толстой 1935 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 33. М., 1935.

Марина Булахова (Москва)

Толстой 1936 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 32. М., 1936.

Толстой 1956 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 39. М., 1956.

УУС — Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. СПб., 1866.

Шатров 1901 — *Шатров Г. И.* Разделение главного вопроса на суде с участием присяжных заседателей с точки зрения учения о компетенции жюри: статья 754 устава уголовного судопроизводства; статья 732 проекта уголовного судопроизводства // Право. 1901. С. 1466—1475.

Сведения об авторе: Марина Сергеевна Булахова, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, бакалавр; Москва, Россия; e-mail: marina-bulakhova@mail.ru

About the author: Marina S. Bulakhova, Lomonosov Moscow State University, bachelor; Moscow, Russia; e-mail: marina-bulakhova@mail.ru

Михаил Иткин (Москва)